

Научная статья

УДК 81-119

DOI: 10.25688/2619-0656.2023.11.02

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Олег Игоревич Калинин^{1, 2}

¹ Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, okalinin.lingua@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1807-8370/>

² Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ концептуальных представлений о войне в китайской и русской лингвокультурах. Актуальность исследования определяется тем, что содержание концепта ВОЙНА связано с такими культурными параметрами, как отношение к жизни и смерти, что позволяет выявлять сущностные принципы построения национальной картины мира вообще. Методика исследования основана на дефиниционно-этимологическом анализе, исследовании фразеологии, а также ассоциативном эксперименте и методах метафорического моделирования. Изучение словарных дефиниций позволяет выявить смысловой компонент концепта ВОЙНА, анализ фразеологии и метафорическое моделирование – оценочный компонент, ассоциативный эксперимент – эмоциональный компонент. Проведенное исследование показывает, что для русской лингвокультуры феномен войны предстает как форма вооруженной борьбы и вид профессиональной деятельности с доминантными компонентами «смерть, страдания, оружие», а для китайской культуры – как форма вооруженной борьбы, направленная на получение выгоды, с доминирующими атрибутами «смерть, последствия, враг». Для китайской культуры важно осмысление войны как «продолжения политики», «пути обмана». Проведенное исследование позволяет понять не только культурные различия в восприятии войны, но и глубину и сложность ментальных представлений о жизни и смерти в различных культурных контекстах.

Ключевые слова: война, концептуальный анализ, дефиниционный анализ, ассоциативный эксперимент, метафора войны.

Для цитирования: Калинин О.И. Сравнительный анализ представлений о войне в русской и китайской лингвокультурах // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 17–39 <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.02>

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE WAR CONCEPT IN RUSSIAN AND CHINESE LINGUISTIC CULTURES

Oleg I. Kalinin^{1, 2}

¹ Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, okalinin.lingua@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1807-8370/>

² Military University of the Ministry of Defense, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article conducts a comparative analysis of the conceptual representations of war in Chinese and Russian linguocultures. The relevance of the study is determined by the fact that the content of the WAR concept is directly linked to cultural parameters such as attitudes towards life and death, enabling the identification of the most essential principles underlying the construction of the national worldview in general. The research methodology is based on definitional-etymological analysis, study of phraseology, as well as associative experiment and methods of metaphorical modeling. Definitional analysis allows the identification of the semantic component of the WAR concept, while the analysis of phraseology and metaphorical modeling represents the evaluative component, and the associative experiment represents the emotional component. The conducted research demonstrates that for Russian linguoculture, the phenomenon of war appears as a form of armed struggle and a type of professional activity with dominant components such as “death, suffering, weapons”, whereas for Chinese culture, it is perceived as a form of armed struggle directed towards gaining advantage, with dominant attributes being “death, consequences, enemy”. Important additional interpretation of the war phenomenon for Chinese culture is seen as “continuation of policy”, “means of deception”. The conducted research enables not only an understanding of cultural differences in the perception of war but also the depth and complexity of mental representations about life and death in different cultural contexts.

Keywords: war, conceptual analysis, definitional analysis, associative experiment, war metaphor.

For citation: Kalinin O.I. (2023). Comparative analysis of the war concept in russian and chinese linguistic cultures. In: *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. Chief editor S.A. Vasil'ev; publishing editor I.N. Raikova. Vol. XVII. Moscow: Zertsalo-M. Pp. 17–39 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.02>

© Калинин О.И., 2023

Введение (цель, материал исследования, методология). «Война – отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других – людьми, одних творит рабами, других – свободными» [Гераклит Эфесский 2012: 230], – писал философ Гераклит Эфесский, а Фридрих Ницше в предисловии к философскому трактату «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом» подчеркивал, что «война была всегда великим благоразумием ушедших в себя, ставших слишком глубокими умов, и даже полученная рана включает в себе целебную силу» [Ницше 2019: 233].

Знаменитые философы, безусловно, не абсолютизировали насилие, не оправдывали его и не призывали к жестокости. Война описывалась как «борьба» и представлялась одной из форм развития общества, неотъемлемым элементом жизни человека, чем она во многом и была на протяжении долгого периода истории человечества. Не пытаясь подтвердить или опровергнуть философские воззрения на войну как на одну из форм социального взаимодействия людей, мы хотим в данном случае лишь подчеркнуть значимость войны как одной из базовых концептосфер, определяющих ценностные ориентиры разных культур. На наш взгляд, отношение к войне напрямую связано с такими культурными параметрами, как отношение к жизни и смерти. По тому, какими частными содержательными характеристиками наделяется понятийный и оценочный компоненты концепта ВОЙНА, можно делать выводы о базовых принципах построения национальной картины мира вообще.

В связи с этим нам представляется актуальным не только выявление компонентов концепта ВОЙНА в отдельной лингвокультуре, но и изучение этого концепта в сопоставительном ключе на языковом материале двух лингвокультур, что позволяет выявить особенности, сходства и различия миропонимания народов – носителей разных языков.

На фоне внешнеполитического сближения России и Китая, которое стимулирует взаимный культурно-образовательный обмен, представляется интересным сравнить восприятие концепта ВОЙНА и его интерпретацию в русской и китайской лингвокультурах.

В этой связи мы ставим своей целью сопоставительный анализ концептуальных представлений о войне в русской и китайской картинах мира.

Для достижения этой цели был последовательно решен ряд исследовательских задач:

- 1) приведены результаты дефиниционно-этимологического анализа лексем-репрезентантов концепта **ВОЙНА**;
- 2) обобщены результаты проведенных ранее исследований фразеологизмов с культурно-семантическими компонентами концепта **ВОЙНА**;
- 3) интерпретированы результаты проведенных ранее ассоциативных экспериментов со словом-стимулом «война» для представителей русской и китайской лингвокультур;
- 4) полученные данные сопоставлены с результатами исследования межкультурной вариативности в восприятии метафорических моделей со сферой-целью **ВОЙНА**.

Данная работа во многом носит обобщающий характер, в ней аккумулируются и осмысляются результаты проведенных ранее эмпирических исследований, связанных с изучением представлений о войне в сознании носителей русского и китайского языков. Мы полагаем, что обобщение и совокупный анализ данных, полученных из разных эмпирических источников, позволяет более комплексно представить изучаемую проблематику и тем самым более полно представить концептуальные характеристики представлений о войне в русской и китайской лингвокультурах.

Среди использованных методов исследования, помимо обобщения и синтеза научной информации, необходимо выделить метод концептуального анализа, метод дефиниционно-этимологического анализа, ассоциативный эксперимент и метод метафорического моделирования, суть и «механика» которых будут описаны далее.

Теоретической основой для данной работы служат исследования в области когнитивной лингвистики [Болдырев 2014; Кубрякова 2002] и лингвокультурологии [Карасик, Слышкин 2005; Степанов 1997], а также ранее проведенные исследования особенностей вербализации военной сферы жизни общества [Калинин 2020; Flusberg, Matlock, Thibodeau 2018; Kalinin 2020; Фоменко 2021; Волков 2017].

Основная часть

Смысловое содержание концепта **ВОЙНА в русском и китайском языках.**

Прежде всего рассмотрим определения слов-репрезентантов исследуемого концепта в двух языках. В русском языке война:

- «вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства;
- борьба, враждебные отношения с кем-нибудь или чем-нибудь» [Ожегов 2003: 89];
- «раздор и ратный бой между государствами, международная брань» [Даль 2004: 100];

- «общественно-политическое явление, продолжение политики насильственными средствами» (Словарь военных терминов) [Плехов 1988: 78];
- «общественно-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и иных противоречий» (Словарь терминов чрезвычайных ситуаций) [Пучкова 2015: 120].

С этимологической точки зрения слово «война» в русском языке имеет общеславянское происхождение, и вариации слов с тем же значением встречаются практически во всех славянских языках. «Образовано от существительного вой – “воин”, родственно латинскому слову *venari* “охотиться” и древнемецкому слову “*weida*” – “охота”» [Крылов 2004: 96].

Согласно приведенным словарным определениям основным значением понятийного поля слова «война» в русском языке является «форма вооруженной борьбы, определяемая социально-политическими факторами». В то же время весьма значимо и понимание войны как «социального явления, тесно связанного с государственной политикой».

Ниже приведены основные определения слова-представителя понятия войны в китайском языке:

- 为政治目的而进行的武装斗争 (Вооруженная борьба, ведущаяся в политических целях) [Cidianwang]
- 民族、国家、阶级、集团之间的武装斗争 (Вооруженная борьба между нациями, странами, классами и группами) [Cidianwang]
- 为实现一定的政治和经济目的而进行的武装斗争，是阶级间、民族间、国家间、政治集团间矛盾斗争的最高形式，以暴力手段反映政治实质 (Вооруженная борьба за достижение определенных политических и экономических целей, высшая форма противоречий между классами, нациями, странами и политическими группами, которая отражает сущность ведения политики насильственными средствами) [Cidianwang]
- 两个以上的敌对双方，为了屈服对方的意志，实现自己的主张，运用有形或无形的威力以决胜负的斗争 (Борьба, в которой две или более враждебные стороны используют материальную или нематериальную власть для подчинения своей воле другой стороны и реализации своих собственных притязаний) [Online Chinese Dictionary]

Ввиду типологических особенностей китайского языка понятийно-дефиниционный анализ должен включать также рассмотрение семантики и структурных особенностей каждого иероглифа, входящего в состав слова-репрезентанта.

战1) война; битва, борьба; 2) соревнования, борьба; спортивное соревнование; игра (挑战 – призыв к соревнованию, 冷战 – холодная война) [Большой китайско-русский словарь].

С точки зрения структуры и происхождения иероглифический знак 战 состоит из двух частей, а именно графем: 占 (занимать (место)) и 戈 (алебарда), т. е. это вооруженный захват. В полном написании [戰], которое отражает историческое развитие знака, мы наблюдаем сочетание графем 單 (исчерпаться, дойти до конца) и 戈 (алебарда). Этимологический словарь Hanziyuan отмечает, что знак 戰 относится к письменности цзиньвэнь (金文 – надписи на бронзовых сосудах, XIII–IV вв. до н. э.).

Рис. 1. Иероглифический знак 战 в стиле письменности цзиньвэнь.
Character 战 in the style of Jinwen

Декомпозиция знака состоит в том, что графический элемент 戈 несет в себе идеографическое значение, так как в древности знак означал «оружие, вооруженную борьбу», а графема 單 изначально была фонетиком, то есть указывала на произношение. Интересно, что упрощение иероглифа в ходе реформы китайской письменности 1956 года зафиксировало обновленное произношение знака 战 [zhàn] посредством добавления фонетика 占 [zhàn] вместо несколько устаревшего 單 [shàn]. При этом подобранный фонетик 占 [zhàn], по сути, отражает и обновляет семантику всего иероглифа.

争 zhēng – 1) бороться, бороться за что-то, побеждать; 2) соревноваться; 3) спорить, обсуждать (争权 – бороться за власть, 争功 – оспаривать достоинства друг друга) [Большой китайско-русский словарь].

По структуре и происхождению иероглиф 争 состоит из двух графем: 刀 (лезвие, нож), 冫 (свиная голова) и 丨 (веревка) [Этимологический онлайн-словарь китайского языка], то есть 争 можно интерпретировать как вооруженное столкновение за свинью, т. е. вооруженное столкновение за еду. Этимологический анализ показывает, что данный иероглифический знак относится к письменности цзягувэнь (甲骨文 XIV–XI вв. до н. э.), и исторически этот знак содержал в себе наверху знак 𠄎 когти. В словаре Hanziyuan утверждается, что этимологическое значение связано с «удержанием чего-то веревкой и руками» [Этимологический онлайн-словарь китайского языка].

Рис. 2. Иероглифический знак 争 в стиле письменности цзягувэнь.
Character 争 in the style of Jiaguwen

Для полноты картины предлагается также рассмотреть синонимические ряды для исследуемых лексем. Война: бой, сражение, вражда, борьба, брань, боевые действия, рознь, баттл, междоусобица, кровопролитие, вооруженный конфликт. 战争 (война): 兵戈 (оружие), 打仗 (сражаться), 干戈 (оружие, стычки, раздоры), 搏斗 (схватка, борьба), 奋斗 (борьба), 交兵 (скрещивать оружие; вести бой), 战役 (военная операция), 交锋 (скрестить оружие; пустить в ход оружие), 接触 (столкновение, соприкосновение) [Online Chinese Dictionary].

В результате дефиниционного и этимологического анализа лексем-репрезентантов концепта ВОЙНА в русской и китайской лингвокультурах мы видим, что война воспринимается во многом схоже, а именно как «форма вооруженной борьбы, связанная с политикой». Однако имеются и некоторые смысловые различия:

- помимо вышеперечисленных значений, русская лингвокультура трактует войну и как «социальное явление», что «указывает на то, что состояние войны для русского народа в некотором роде естественно» [Kalinin, Mavleev 2020: 85];
- в китайской лингвокультуре очень значимо семантическое значение «борьба за достижение чего-то, получение каких-то благ», что проявляется не только в базовом лексическом значении, но и четко прослеживается через историческое развитие иероглифических знаков.

Представления о войне во фразеологии русского и китайского языков. Рассмотрение паремического фонда двух языков на предмет репрезентации отдельных компонентов концепта ВОЙНА в сопоставительном аспекте представляется важным уточняющим этапом изучения представлений о войне в русской и китайской лингвокультурах. Паремии рассматриваются как культурно-маркированные единицы языка, которые в сжатом виде выражают мудрость и опыт предшествующих поколений. Согласно такой точке зрения, фразеологизмы в большей степени, чем другие языковые единицы, передают национальную специфику, являясь «“автобиогра-

фией народа”, “энциклопедией народной жизни” и “зеркалом культуры”, которые ярко отображают быт, нравы, обычаи и прочие специфические особенности создавшего их народа. <...> В них находит свое отражение всё, чем живет и с чем сталкивается тот или иной народ на протяжении веков» [Пермяков 1988: 19].

Отметим, что фразеологизмы с военными компонентами достаточно хорошо изучены как на материале русского [Ибрагимов 2018; Фоменко 2021; Калмыкова 2011; Жуков 2005], так и китайского языков [Репнякова 2021; Полончук 2018; Ван Синьцзюй 2018; Абдрахимов 2018]. Отдельно стоит выделить выпущенный тематический словарь китайских пословиц и поговорок военной тематики, собравший более 2500 единиц паремий из военной сферы [Абдрахимов 2018]. В этой связи в данной статье мы ограничимся анализом уже проведенных исследований и предложим обобщенные выводы по выявленным семантическим полям, характерным для военной терминологии.

Итак, с опорой на анализ Н.Н. Репняковой [Репнякова 2021] и исследования Р.А. Полончука [Полончук 2018] мы можем в общих чертах определить, что наиболее характерными понятийными признаками концепта **ВОЙНА** в китайских фразеологизмах будут:

- 1) вооружение/обмундирование (枕戈待旦 класть оружие (боевой топор) под голову и ждать утра (обр. в знач.: быть в постоянной боевой готовности, быть настороже); 干戈归库, 马放南山. Щит и топор вернулись на склад, лошади отправились в Южные горы (обр. в знач.: не использовать войска во время мира; потерять бдительность); 束戈卷甲 увязывать алебарды, сворачивать латы (обр. в знач.: сдаваться));
- 2) воины/солдаты/генералы (老将出马, 一个顶俩 старый генерал на боевом коне (обр. в знач.: один стоит двух, мастер работает один за двоих); 爱兵如子, 用兵如山 любите солдат как сыновей своих, используйте их как горы (обр. в знач.: народ, который не кормит свою армию, обязательно будет кормить чужую));
- 3) «дух войны» / средства ведения войны (兵不厌诈 на войне не возбраняются хитрости; на войне всё дозволено; 围魏救赵 окружить Вэй, помочь Чжао (обр. в знач.: отвлечь силы врага ударом по его тылам));
- 4) внешние атрибуты армии (旌旗猎猎 — развеваются на ветру бунчуки и знамена; 重整旗鼓 приводить в порядок знамёна и барабаны (обр. в знач.: перестраиваться: учесть ошибки и поражения и перегруппировать силы)).

Для русского языка Е.Л. Калмыкова выделила понятийные признаки:

- 1) «вооруженный» (огнем и мечом, пороха не нюхал), что сходно с выделенным выше для китайского языка семантическим полем «вооружение»;

- 2) «противники» (разбить неприятеля наголову, турки падают как чурки);
- 3) «бой» (что с бою взято, то свято; биться смертным боем) [Калмыкова 2011].

К этим понятийным признакам необходимо также добавить важный блок значений, которые явственно прослеживаются в поговорках о войне на русском языке, а именно «тяжесть войны / последствия войны», что отражается в таких фразеологизмах, как «Война кровь любит; Войну хорошо слышать, да тяжело видеть; Войной да огнем не шути; Ни моря без воды, ни войны без крови; Война не лечит, а калечит».

И.Б. Фоменко также добавляет к указанным понятийным признакам значение «война — это кровавая борьба власть имущих» и приводит примеры: «Война питается деньгами, а увеселяется кровью. Война — кому веревка, а кому дойная коровка. Паны дерутся, а у холопов чубы трещат» [Фоменко 2021: 912].

Отметим, что в китайской классической литературе война часто представляется как одна из форм реализации государственной власти, своего рода продолжение политики. В.Л. Ибрагимова и Ван Хайтао также отмечают, что «китайская военная школа придает равно важное значение политическим факторам и этическим нормам войны» [Ибрагимова и Ван 2018: 525]. Сунь-Цзы отмечал, что «Война — это важное государственное дело, которое определяет, будет страна жить или умрет, это путь к выживанию или гибели, поэтому в ней нельзя не разобраться» (兵者，国之大事，死生之地，存亡之道，不可不察也). «В китайском языковом сознании война тесно связана с судьбой государства и жизнью граждан, поэтому считается, что необходимо серьезно относиться к войне, лучше избежать войны, ср.: 不战而屈人之兵 'покорить врагов без боя'» [Ибрагимова, Ван 2018: 526].

Нельзя не отметить, что в китайском сознании война часто сопряжена с «хитростью, стратегией» и даже определенным «обманом», что отражается в классических произведениях о войне 吴子兵法 «Искусство войны У-Цзы», 孙子兵法 «Искусство войны Сунь-Цзы», 三十六计 «Тридцать шесть стратагем». Например, 调虎离山 [diaohulishan] — выманить тигра с гор (обр. в знач.: выманить врага из его укрепленной базы); 围魏救赵 окружить Вэй, помочь Чжао (обр. в знач.: отвлечь силы врага ударом по его тылам).

Если обобщить данные, полученные в результате анализа уже проведенных исследований поговорок военного характера, то можно сделать вывод, что при безусловном сходстве некоторых понятийных признаков репрезентации войны в фразеологии русского и китайского языков присутствуют и существенные отличия. Сходным можно признать использование внешних атрибутов военной сферы, а именно оружия, обмунди-

рования и проч., для метонимических замен описания сущности военных действий. При этом отличным является содержание признака «суть войны», где для русской лингвокультуры более значимым представляется осмысление тяжелых духовных последствий войны, горя, беды, которые она приносит участникам и народу в целом, а для китайской фразеологии характерна более внешняя описательная характеристика войны, акцент не на трагических последствиях войны для каждого человека, а на своего рода «способе ее ведения». Также стоит выделить отличия, связанные с тем, что в русской лингвокультуре внимание уделяется противнику, а в китайской фразеологии в значительной степени отражены результаты концептуализации своих военных. Отдельного упоминания заслуживает понимание войны как пути обмана в китайской лингвокультуре, что зафиксировано в древних военных трактатах и что, на наш взгляд, во многом и определяет отношение к непосредственной, физической форме ведения войны в Китае.

Восприятие войны носителями лингвокультуры. Изучив проявление концептуальных признаков войны в языке посредством дефиниционного, этимологического анализа и исследования фразеологии, мы можем на этом основании далее проследить, каким образом данные признаки и значения зафиксированы в народном сознании. Для этого приведем результаты ассоциативных экспериментов, а также данные, полученные в ходе эксперимента по анализу восприятия метафор войны. Данные практические исследования позволяют понять, каково восприятие войны в народном сознании и связано ли оно со значениями и признаками, зафиксированными в словарях и паремиях.

Результаты прямого ассоциативного эксперимента, построенного по принципу «стимул-реакция», представлены в двух работах. О.И. Калинин и Р.Р. Мавлеев представили результаты опроса 80 респондентов для каждого языка, в числе которых были и военнослужащие (примерно по 20 профессиональных военных в качестве респондентов) [Kalinin, Mavleev 2020: 80–92]. И.Б. Фоменко также провел ассоциативный эксперимент на русскоязычных и китаеязычных студентах ДВФУ [Фоменко 2021]. Два эксперимента несколько отличались по методике, поэтому и их результаты можно признать взаимодополняющими. Так, первый эксперимент был построен по модели «1 стимул – одна реакция» с заданием продолжить одним словом «Война – это...». Второй же являлся свободным ассоциативным экспериментом, не ограничивающим испытуемых частеречной принадлежностью слова-стимула и количеством реакций.

Согласно результатам, полученным в исследовании О.И. Калинина и Р.Р. Мавлеева, «наиболее частыми ответами в опросе для носителей русской лингвокультуры были: смерть, кровь, страдание, горе, слезы, наси-

лие, несчастье, убийство, катастрофа, разрушение, страх, ужас, боль, хаос, жестокость, оружие/армия» [Kalinin, Mavleev 2020: 86].

Анализ ответов российских респондентов позволил выявить следующие компоненты понятийного поля концепта ВОЙНА для носителей русской лингвокультуры:

«1) Смерть (17), убийство (10): жестокость (7), кровь (4), всего 38 упоминаний на группу;

2) Страдания (горе (7), страдание (3), боль (4), слезы (2), страх (2), несчастье (3), ужас (3)), всего 24 упоминания на группу;

3) Последствия (хаос (5), катастрофа (4), разрушения (2)), всего 11 упоминаний на группу;

4) Оружие (представлено лексемой: оружие (7)) – всего семь упоминаний на группу» [Kalinin, Mavleev 2020: 86].

Наиболее частотными ассоциатами, полученными А.П. Фоменко, стали: «смерть – 51; страх – 24; голод – 16; горе – 14; кровь – 8; боль, потеря – 8; оружие – 7; ужас, слезы – 6; плен, беда, убийство – 4; жестокость, зло, разрушение, страдание, разруха, победа, вторая мировая война, Великая Отечественная война – 3; разлука, стрельба, память, люди, храбрость, подвиги, гибель, книга Толстого “Война и мир”, жизнь, ветераны, печаль, жертвы, несправедливость, взрывы, геноцид, агрессия, борьба, Украина, несчастье, отвага, танк, дети, блокада Ленинграда, власть, ядерный взрыв, тоска, воспоминание – 2» [Фоменко 2021: 912]. Это наводит автора на мысль о том, что «в ассоциативном сознании русских людей происходит фиксация различных характеристик войны и исторических событий и присутствует эмоциональная оценочность, связанная с переживаниями последствий войны» [Фоменко 2021: 912].

При этом мы видим, что результаты свободного эксперимента во многом подтверждают данные первого эксперимента, базовой ассоциацией становится «смерть», а такие ассоциации, как «страх», «голод», соотносятся с группой «переживания» и «последствия».

Далее рассмотрим результаты эксперимента для китайских респондентов. «Наиболее частыми ответами китайских участников эксперимента были: смерть, умереть, страдания, страх, кровь, Япония, жестокость, катастрофа, ужас, беспорядок, враг, насилие, боль.

Анализ ответов китайских респондентов позволил выявить следующие составляющие значения концептуального поля слова «война»:

1) Смерть (смерть (25), насилие (2), жестокость (5), кровь (3)), всего 35 упоминаний на группу;

2) Страдания (страдание (8), боль (2), страх (3), ужас (3)), всего 16 упоминаний на группу;

3) Последствия (беспорядок (8), катастрофа (4), разрушение (7)), всего 19 упоминаний на группу;

4) Враг (представлен лексемами: враг (5), Япония (4)) – всего 9 упоминаний на группу» [Kalinin, Mavleev 2020: 87].

В свободном ассоциативном эксперименте А.П. Фоменко «на словостимул «война» мы получили 189 ассоциатов: Война / 战争 – [战争与和平] война и мир – 25; [第二次世界大战] Вторая мировая война – 15; [死亡] смерть – 13; [卫国战争] отечественная война – 12; [和平] мир – 10; [世界大战] мировая война – 9; [流血] проливать кровь – 8; [第一次世界大战] Первая мировая война – 6; [抗日战争] война сопротивления японским захватчикам, [牺牲] жертва, [武器] вооружение, [灾难] бедствие – 5; [伤亡] раненые и убитые, [军人] военные – 4; [人民] народ, [军队] армия, [托尔斯泰] Толстой Л.Н., [悲惨] ужас, [苦难] страдания, [痛苦] горе, [冷战] холодная война – 3; [硝烟] пороховой дым, [士兵] солдат, [孤儿] сирота, [南京大屠杀] Нанкинская резня, [世界] мир, [动荡] потрясение, [无畏的战士] бесстрашный воин, [流离失所] мыкаться по свету и не знать, где голову преклонить, [贸易战] торговая война, [政治] политика, [使命] миссия, [战乱] военный мятеж, [争斗] борьба, [惊恐] испуганный» [Фоменко 2021: 912].

В этих ассоциациях мы видим значительный акцент на прецедентные имена и события, которые становятся едва ли не самыми частотными реакциями. Возможно, это связано с особенностями самих респондентов, которые, в отличие от первого эксперимента, являлись студентами, обучавшимися на момент опроса в России. При этом всё же нельзя не отметить, что результаты этого эксперимента также подтверждают значимость ассоциаций, связанных с последствиями войны: [死亡] смерть; [流血] проливать кровь; [牺牲] жертва; [灾难] бедствие; [伤亡] раненые и убитые; [悲惨] ужас; [苦难] страдания; [痛苦] горе; [孤儿] сирота.

Детальный сопоставительный анализ концептуальных признаков феномена войны в русской и китайской культурах на основании результатов двух ассоциативных эксперимента показывает, что:

1) В обеих лингвокультурах компонент «смерть» стал определяющим, что неудивительно, учитывая историческое развитие России и Китая, прошедших через многочисленные военные конфликты.

2) Для русскоязычных респондентов значимым является смысловой компонент «страдания», который представлен лексемами, связанными с душевными переживаниями, тогда как китайские респонденты показали большую важность материальных «последствий» войны. Вероятно, такая разница связана «с исторической памятью народов России, в которой трагические последствия Великой Отечественной войны затронули практически каждую семью, и были, в основном, связаны с потерей близких и родных, что отражено в семантическом значении поля «Страдания» как часть феномена войны. С китайской точки зрения смерть одного конкретного человека не всегда является трагедией, что характерно для азиатских культур. Хотя гармония и порядок являются чертами китай-

ской духовной традиции, война, очевидно, становится главной причиной естественного хода событий» [Kalinin, Mavleev 2020: 88].

Это различие позволяет охарактеризовать русскую лингвокультуру как направленную на сопереживание горю каждого человека, то есть в значительной степени феминную культуру, а китайскую — как направленную на поддержание порядка и гармонии в обществе в целом, что отражает коллективистский характер китайской лингвокультуры. Трудно не согласиться с тем, что «носители русской культуры воспринимают катастрофы войны через личную трагедию, тогда как китайская культура больше внимания уделяет разрушительному воздействию войны на государство и общество» [Kalinin, Mavleev 2020: 89].

3) Наличие в ответах русских респондентов значительного количества лексических единиц, относящихся к компонентной группе «Оружие», свидетельствует о том, что представители русской культуры воспринимают войну отчасти как ремесло, как определенный вид профессиональной деятельности.

4) В ответах китайских респондентов нам удалось выделить компонентную группу «Враг», что может свидетельствовать о склонности к отождествлению войны с конкретным противником, наличие лексемы «Япония» свидетельствует о конкретизации противника. Также нельзя не отметить, что в ответах, полученных в результате свободного ассоциативного эксперимента, мы находим достаточное количество лексем, которые так или иначе связаны с прецедентными именами или событиями. Это свидетельствует о соотношении войны как абстрактного понятия с чем-то более конкретным.

Отличия в восприятии феномена войны носителями разных лингвокультур можно изучить по результатам, полученным в ходе эксперимента по восприятию военных метафор [Калинин 2020: 83–93]. В современной когнитивной лингвистике считается доказанным тот факт, что языковые формы концептуальных метафор зависят от культурно-исторических характеристик мышления носителей разных языковых систем. Как указывает З. Ковечеш, «метафоры могут быть вариативными, и они различаются по двум основным измерениям: межкультурному и внутрикультурному» [Kövecses 2005: 13].

Межкультурная вариативность — это разница в метафорической концептуализации окружающей действительности с точки зрения представителей разных этнических и национальных культур.

Иными словами, концептуальные метафоры, которые, по меткому выражению Дж. Лакоффа, отражают «то, как мы думаем, что переживаем и что делаем каждый день» [Лакофф, Джонсон 2004: 23], могут менять свою языковую форму в национальных дискурсах в зависимости от специфики национальной культуры.

Приведем пример одного из подобных исследований [Musolf 2020]. Суть его заключалась в опросе респондентов из 10 разных стран, принадлежащих к разным языковым культурам, относительно интерпретации концептуальной метафоры НАЦИЯ – ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА. Результаты показали довольно широкий диапазон вариаций интерпретации метафоры, ни один из которых не был предсказан теоретическими предпосылками классической теории концептуальной метафоры, что объясняется тем, что многие из респондентов, уделяя метафоре особое внимание, разрабатывали ее вариации на основе своего культурно-исторического опыта с целью усиления прагматического эффекта. Например, представители китайской социокультуры преимущественно использовали в качестве исходной сферы географию страны, тогда как представители Европы обращали внимание на государственное устройство, а американцы в качестве исходной сферы использовали различный национальный состав своего народа.

По мнению З. Ковечеша, «межкультурные вариации метафорических моделей могут проявляться в трех разных типах:

1. Разные культуры имеют разные сферы-источники для одной и той же сферы-цели;
2. В разных культурах сферы-источники для одной и той же сферы-цели почти одинаковы, но один язык/культура демонстрирует явное предпочтение некоторым используемым концептуальным метафорам, и это предпочтение различается от культуры к культуре.
3. Определенная концептуальная метафора может быть уникальной и специфичной только для одной культуры» [Kövecses 2005: 67–68].

В проведенном исследовании мы опирались на второй тип межкультурной вариативности и исследовали предпочтительное восприятие определенных метафорических моделей со сферой-целью ВОЙНА в сознании носителей русского и китайского языков.

Прежде всего для проведения эксперимента были выбраны сферы-источники, отражающие разное осмысление войны, а именно ВОЙНА – это ИГРА, ВОЙНА – это ТЕАТР, ВОЙНА – это СОРЕВНОВАНИЕ, ВОЙНА – это АЗАРТНАЯ ИГРА, ВОЙНА – это УРОК и ВОЙНА – это СМЕРТЬ. После этого для каждой концептуальной метафоры было разработано по 4 языковых метафоры (2 ярких авторских и 2 конвенциональных стертых), всего 24 предложения-стимула. Например, «Мы проиграли это сражение, но выиграли войну (стертая метафора со сферой-источником ИГРА); Генералы переставляли полки и батальоны как шахматные фигурки (новая метафора со сферой-источником ИГРА». Все предложения-стимулы можно посмотреть в более детальном описании методики исследования [Калинин 2020: 109–110].

Само исследование состояло в опросе респондентов – носителей русского и китайского языков, которые были кадровыми военнослужащими.

Анкета содержала два задания: 1) оценить адекватность предложенных предложений по шкале от 1 до 10. Формулировка задания гласила: «Оцените, пожалуйста, вероятность употребления вами такого предложения, где 1 – я никогда бы так не сказал, а 10 – я использовал такую или похожую фразу». 2) участники должны были выразить свое согласие или несогласие с высказыванием, соответствующим базовой формуле концептуальной метафоры (ВОЙНА – это ИГРА/ТЕАТР и т. д.) по шкале от 1 до 5, где крайние значения означают полное несогласие и согласие соответственно. Отметим, что количественный подсчет двух показателей позволяет вычислять так называемую «дисперсию между имплицитным и эксплицитным планами метафоры, значение которой показывает устойчивость метафорической модели в сознании людей» [Калинин 2020: 113].

Результаты первого этапа эксперимента представлены в таблице.

Таблица 1

**Восприятие языковых метафор войны.
Perception of language war metaphors**

	ИГРА	ТЕАТР	СОРЕВНОВАНИЕ	АЗАРТНАЯ ИГРА	УРОК	СМЕРТЬ
Русский	5,6	4,4	4,4	5,2	5,8	4,7
Китайский	4,5	4,6	5,2	4	5,1	5,6
Разница	1,1	-0,2	-0,8	1,2	0,7	-0,9

В Таблице 1 мы видим, что наибольшую разницу между полученными результатами имели показатели восприятия исходной области ИГРЫ (1,2), АЗАРТНОЙ ИГРЫ (1,1), СМЕРТИ (-0,9) и КОНКУРЕНЦИИ (-0,8). Важнейшими исходными областями для русской культуры были ИГРА, УРОК и АЗАРТНАЯ ИГРА, а для китайской – СМЕРТЬ, УРОК и СОРЕВНОВАНИЕ. Так, в русской культуре война часто воспринимается как ИГРА, УРОК и отчасти как АЗАРТНАЯ ИГРА, тогда как для китайской культуры характерно восприятие ВОЙНЫ как СОРЕВНОВАНИЯ, несущего смерть и способного носить поучительный характер.

Как уже говорилось выше, исследование также было нацелено на выявление разницы концептуального и языкового уровней метафорического восприятия, что технически состояло в вычислении метафорической дисперсии, которая показывает устойчивость метафорической модели в сознании носителей лингвокультуры.

Таблица 2

**Концептуальный и языковой уровни метафорического восприятия.
Conceptual and linguistic levels of metaphorical perception**

	ИГРА	ТЕАТР	СОРЕВНОВАНИЕ	АЗАРТ	УРОК	СМЕРТЬ
Рус (язык.)	5,6	4,4	4,4	5,2	5,8	4,7
Рус (конц.)	2,2	2	2,5	2,1	4,9	4,6
Рус дисперсия, %	12	4	-6	10	-40	-45
Кит (язык.)	4,5	4,6	5,2	4	5,1	5,6
Кит (конц.)	2,1	2,2	2,9	1,5	2,4	3,1
Кит – дисперсия, %	3	2	-6	10	3	-6

Из полученных данных можно сделать вывод, что для китайских респондентов существует нормальное значение дисперсии для всех исходных доменов, то есть китайская культура характеризуется более адекватным пониманием феномена войны. Для русскоязычных респондентов наблюдается высокий уровень разброса по метафорическим моделям со сферой-источником СМЕРТЬ и УРОК, что демонстрирует неустойчивый характер этих метафор, а именно указывает на неполное, фрагментарное или даже поверхностное понимание данной концептуальной метафоры русскоязычными респондентами. Это свидетельствует о явном диссонансе в понимании войны среди носителей русского языка: с одной стороны, российские респонденты полностью согласны с тем, что война – это урок и смерть, а с другой – восприятие этих концептуальных областей не отличается стабильностью.

Результаты. В данной работе отражены результаты исследований представлений о феномене войны в русской и китайской лингвокультуре. Мы последовательно представили данные, полученные в результате дефиниционно-этимологического анализа лексем-репрезентантов концепта ВОЙНА (смысловой компонент), исследования паремий на военную тематику (оценочный компонент). Также приведены результаты двух ассоциативных экспериментов и метафорического моделирования со сферой-целью ВОЙНА, что отражает эмоциональный компонент.

Представим полученные данные в форме сводной таблицы.

Таблица 3

Сравнение смысловых, оценочных и эмоциональных компонентов представлений о войне. Comparison of semantic, axiological, and emotional components of war perception

	Русская лингвокультура	Китайская лингвокультура
Базовое значение	форма вооруженной борьбы	форма вооруженной борьбы
Вторичное значение	социальное явление	соперничество за получение благ
Этимологическое значение	вооруженное противостояние	вооруженная борьба за обладание материальными благами
Оценочный компонент (паремии)	война – страдания война – ремесло	война – политика, обман
Доминантный эмоциональный компонент	смерть, страдания	смерть, последствия
Вторичный эмоциональный компонент	последствия, оружие/ ремесло	страдания, враги/ персонализация
Базовые эмоциональные модели	игра, урок, азарт	смерть, урок, соревнование

Таким образом, можно постулировать, что для русской лингвокультуры феномен войны предстает как форма вооруженной борьбы и вид профессиональной с доминантными компонентами «смерть, страдания, оружие», а для китайской культуры – как форма вооруженной борьбы, направленная на получение выгоды, с доминирующими атрибутами «смерть, последствия, враг». При этом важными дополнительными направлениями осмысления феномена войны для русской лингвокультуры является представление о ней как об особом ремесле, виде профессиональной деятельности, а для китайской культуры – как о «продолжении политики», «пути обмана».

Изложенные выше результаты явно коррелируют с историческим опытом обеих стран. Вся история России состоит из огромного количества войн – как оборонительных, так и наступательных. В нашей стране военное дело всегда рассматривалось как уважаемая профессия, а политическая власть часто принадлежала военным. Поэтому война стала чем-то обыденным, почти стандартным ремеслом. Таким образом, отношение к войне может быть похоже на «опасную игру, которая приносит духовные страдания». Русский народ буквально «выстрадал» за время своего исторического

развития понимание разрушительной силы войны для каждого человека персонально. В Китае отношение к войнам совершенно иное, так как Китай никогда не вел наступательных войн, предпочитая добиваться побед без оружия за счет культурной и экономической экспансии. Кроме того, исторически военные в государственной иерархии никогда не занимали лидирующие позиции, находились на ступень ниже гражданской администрации. Следовательно, война больше ассоциируется с видом политической деятельности, где имеют место хитрость и обман и которая может принести негативные материальные последствия.

Выводы. Таким образом, обобщенный анализ результатов разных исследований представлений о войне демонстрирует разницу в базовом культурно-историческом опыте двух народов. Проведенный анализ позволил не только продемонстрировать эту разницу, но и выявить конкретные содержательные различия в понимании войны в двух культурах.

Полагаем, что предложенная последовательность исследовательских шагов, а именно рассмотрение понятийного компонента феномена «война» посредством изучения словарных дефиниций и этимологии лексем-репрезентантов, описание оценочного компонента через анализ паремического фонда языка и выявление характеристик эмоционального компонента через результаты ассоциативного эксперимента и анализ метафорических моделей, отражает современные представления когнитивной лингвистики о репрезентации сложного знания в языке. Сопоставительные исследования, построенные по сходной архитектуре, позволяют проникать в глубинные основания культурно-исторического опыта разных народов, отраженные в языке. Исследование национально-маркированного и культурно-обусловленного знания может стать эффективным способом изучения национальной психологии других народов и стать основанием для выстраивания долгосрочных взаимовыгодных отношений с ними.

Источники

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Олма-Пресс, 2004. 700 с.

Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка / [сост. Г.А. Крылов]. СПб.: Victory, 2004. 428 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений. 4-е изд., доп. М.: ЛД ИНВЕСТ: Азбуковник, 2003. 939 с.

Плехов А.М. Словарь военных терминов / [Сост. А.М. Плехов]. М.: Воениздат, 1988. 335 с.

Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info>

Онлайн-словарь синонимов русского языка. URL: <https://synonymonline.ru>
Этимологический онлайн-словарь китайского языка. URL: <https://hanziyuan.net>
Online Chinese Dictionary. URL: <https://cidian.gjcha.com>

Литература

Абдрахимов Л.Г., Радус Л.А., Ткачук В.В. Военная тематика в китайских пословицах и поговорках. Китайско-китайский тематический словарь. М.: ВКН, 2018. 120 с.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.

Ван Синьцзюй. Русские и китайские фразеологизмы, характеризующие поведение человека во время военных действий // Вестн. Башк. ун-та. 2018. Т. 23. № 2. С. 468–472.

Гераклит Эфесский: всё наследие: на языках оригинала и в рус. пер.: крат. изд. / подгот. С.Н. Муравьев. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 416 с.

Жуков К.А. Отражение концепта «Война» в английских и русских паремиях // Вестник НовГУ. 2005. № 33.

Ибрагимова В.Л., Ван Х. Война как явление социально-исторической природы в зеркале русской и китайской лингвокультуры // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. № 2. С. 522–531.

Калинин О.И. Внутрикультурная вариативность концептуальной метафоры со сферой-целью ВОЙНА: зависимость от профессионального и личного опыта // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. № 3. С. 103–117.

Калинин О.И. Новизна метафоры и воспринимаемая уместность: содержательная, лингвокультурная и социальная вариативность // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 27–44.

Калмыкова Е.Л. Понятийные признаки концепта «Война» и их вербализация в паремиях (на материале лексико-графических источников) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 22 (239). С. 100–102.

Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. 347 с.

Кубрякова Е.С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. трудов. Тамбов: Грамота, 2002.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Ницше Ф. Антихрист. Ессе Номо. Сумерки идолов: [пер. с нем.]. М.: АСТ, 2019. 352 с.

Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 240 с.

Полончук Р.А. Военная тематика во фразеологии китайского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2–2 (80). С. 361–363.

Потанчук М.А. Концепт ВОЙНА в русском языке и культуре // Челябинский гуманитарий. 2011. № 4 (17). С. 48–52.

Пучкова В.А. Гражданская защита: Энциклопедический словарь. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015. 706 с.

Репнякова Н.Н., Решетнева У.Н. Лексические средства создания образа войны в китайской фразеологии // Народная культура Сибири: материалы ХХІХ науч.-практич. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору, Омск, 18 ноября 2020 г. Омск: ОмГПУ, 2021. С. 24–30.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Фоменко И.Б. Концепт ВОЙНА в русской и китайской языковых картинах мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. *Philology. Theory & Practice* 2021. Т. 14. Вып. 3. С. 910–917.

Flusberg S.J., Matlock T., Thibodeau P.H. War metaphors in public discourse // *Metaphor and Symbol*. 2018. Vol. 33. № 1. Pp. 1–18.

Kalinin O., Gruzdev D. WAR Lessons or how Social and Personal background Shapes Our Perception // *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*. 2020. Vol. 8. № 2. Pp. 83–93.

Kalinin O., Mavleev R. The “War” Concept in Russian and Chinese Socio-Cultural Environment. Proceedings of “DICTUM – FACTUM: from Research to Policy Making”. Sevastopol, December 5–6, 2019. Pp. 80–92.

Kövecses Z. *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 314 p.

Musolff A. Metaphors for the Nation: Conceptualization of Its BODY and/or PERSON // *Cultural Conceptualizations in Language and Communication*. 2020. Pp. 3–23.

References

Istochniki

Dal' V.I. (2004). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: izbr. st.* [Explanatory dictionary of the Great Russian language: selected art] / sovmeshch. red. izd. V.I. Dal'ya i I.A. Boduena de Kurtene. Moscow: Olma-Press. 700 p. (In Russ.)

Krylov G.A. (2004). *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language] / [sost. G.A. Krylov]. Sankt-Peterburg: Victory. 428 p. (In Russ.)

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (2003). *Tolkovnyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]: 80 000 slov i frazeol. vyrazhenij. 4-e izd., dop. Moscow: LD INVEST: Azbukovnik. 939 p. (In Russ.)

Plekhov A.M. (1988). *Slovar' voennyh terminov* [Dictionary of military terms] / [Sost. A.M. Plekhov]. Moscow: Voenizdat. 335 p. (In Russ.)

Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' [Big Russian-Chinese Dictionary]. URL: <https://bkrs.info> (In Russ.)

Onlajn-slovar' sinonimov russkogo yazyka [Online Dictionary of Russian Synonyms]. URL: <https://synonymonline.ru> (In Russ.)

Etimologicheskij onlajn-slovar' kitajskogo yazyka [Etymological dictionary of the Chinese language]. URL: <https://hanziyuan.net> (In Russ.)

Online Chinese Dictionary. URL: <https://cidian.gjcha.com>

Literatura

Abdraximov L.G., Radus L.A., Tkachuk V.V. (2018). *Voennaya tematika v kitajskih posloviczah i pogovorkah* [Military themes in Chinese proverbs and sayings]. Kitajsko-kitajskij tematiceskij slovar'. Moscow: VKN. 120 p. (In Russ.)

Boldy'rev N.N. (2014). *Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku: kurs lekcii* [Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics: a course of lectures]. Tambov: Izdat. dom TGU im. G.R. Derzhavina. 236 p. (In Russ.)

Van Sin'czzuy. (2018). *Russkie i kitajskie frazeologizmy, xarakterizuyushhie povedenie cheloveka vo vremya voenny'h dejstvij* [Wang Xinju Russian and Chinese phraseological units characterizing human behavior during military operations]. In: *Vestn. Bashk. un-ta*. Vol. 23. № 2. Pp. 468–472. (In Russ.)

Geraklit Efesskij: vsyo nasledie [Heraclitus of Ephesus: all the heritage]: na yazy'kah originala i v rus. per.: krat. izd. (2012) / podgot. S.N. Murav'ev. Moscow: Ad Marginem Press. 416 p. (In Russ.)

Zhukov K.A. (2005). *Otrazhenie koncepta "Vojna" v anglijskih i russkih paremiyah* [Reflection of the concept of "War" in English and Russian parodies]. In: *Vestnik NovGU*. 2005. № 33. (In Russ.)

Ibragimova V.L., Van X. (2018). *Vojna kak yavlenie social'no-istoricheskoy prirody' v zerkale russkoj i kitajskoj lingvokul'tur* [War as a phenomenon of socio-historical nature in the mirror of Russian and Chinese linguistic cultures]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. Vol. 23. № 2. Pp. 522–531. (In Russ.)

Kalinin O.I. (2018). *Vnutrikul'turnaya variativnost' konceptual'noj metafory' so sferoj-cel'yu VOJNA: zavisimost' ot professional'nogo i lichnogo opy'ta* [The intra-

cultural variability of the conceptual metaphor with the sphere-goal of WAR: dependence on professional and personal experience]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. Vol. 18. № 3. Pp. 103–117. (In Russ.)

Kalinin O.I. (2022). *Novizna metafory' i vosprinimaemaya umestnost': sodержatel'naya, lingvokul'turnaya i social'naya variativnost'* [Novelty of metaphor and perceived relevance: meaningful, linguistic, cultural, and social variability]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Filologiya. № 75. Pp. 27–44. (In Russ.)

Kalmykova E.L. (2011). *Ponyatijny'e priznaki koncepta "Vojna" i ih verbalizaciya v paremiyah (na materiale leksiko-graficheskikh istochnikov)* [Conceptual features of the concept of "War" and their verbalization in parodies (based on the material of lexical and graphic sources)]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Lingvistika. № 22 (239). Pp. 100–102. (In Russ.)

Karasik V.I., Slyshkin G.G. (2005). *Bazovy'e xarakteristiki lingvokul'turnyh konceptov* [Basic characteristics of linguistic and cultural concepts]. In: *Antologiya konceptov*. Vol. 1. Volgograd: Paradigma. 347 p. (In Russ.)

Kubryakova E.S. (2002). *O sovremennom ponimani termin "koncept" v lingvistike i kul'turologii* [On the modern understanding of the term "concept" in linguistics and cultural studies]. In: *Real'nost', yazyk i soznanie: Mezhdunar. mezhvuz. sb. nauch. trudov*. Tambov: Gramota. (In Russ.)

Lakoff Dzh., Dzhonson M. (2004). *Metafory, kotory'mi my zhivem* [Metaphors That We Live By]. Moscow: Editorial URSS. 256 p. (In Russ.)

Niczshe F. (2019). *Antixrist. Ecce Homo. Sumerki idolov* [The Antichrist. Ecce Homo. Twilight of the Idols]: [per. s nem.]. Moscow: AST. 352 p. (In Russ.)

Permyakov G.L. (1988). *Osnovy' strukturnoj paremiologii* [Fundamentals of structural paremiology]. Moscow: Nauka. 240 p. (In Russ.)

Polonchuk R.A. (2018). *Voennaya tematika vo frazeologii kitajskogo yazy'ka* [Military topics in the phraseology of the Chinese language]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki*. Philology. Theory & Practice. № 2–2 (80). Pp. 361–363. (In Russ.)

Potapchuk M.A. (2011). *Koncept VOJNA v russkom yazy'ke i kul'ture* [The concept of WAR in the Russian language and culture]. In: *Chelyabinskij gumanitarnij*. № 4 (17). Pp. 48–52. (In Russ.)

Puchkova V.A. (2015). *Grazhdanskaya zashhita* [Civil protection]: E'nciklopedicheskij slovar'. 3-e izd., pererab. i dop. Moscow: FGBU VNII GOChS (FCz). 706 p. (In Russ.)

Repyakov N.N., Reshetneva U.N. (2021). *Leksicheskie sredstva sozdaniya obraza vojny' v kitajskoj frazeologii* [Lexical means of creating an image of war in Chinese phraseology]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri: materialy' XXIX nauch.-praktich. seminarov Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo centra po fol'kloru*, Omsk, 18 noyabrya 2020 g. Omsk: OmGPU. Pp. 24–30. (In Russ.)

Stepanov Yu.S. (1997). *Konstanty'. Slovar' russkoi kul'tury'. Opy't issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience]. Moscow: Shkola "Yazy'ki russkoi kul'tury'". 824 p. (In Russ.)

Fomenko I.B. (2021). *Koncept VOJNA v russkoj i kitajskoj yazy'kovy'h kartinah mira* [The concept of WAR in the Russian and Chinese language pictures of the world]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki*. Philology. Theory & Practice. Vol. 14. Iss. 3. Pp. 10–917. (In Russ.)

Flusberg S.J., Matlock T., Thibodeau P.H. (2018). *War metaphors in public discourse*. In: *Metaphor and Symbol*. Vol. 33. № 1. Pp. 1–18.

Kalinin O., Gruzdev D. (2020). *WAR Lessons or how Social and Personal background Shapes Our Perception*. In: *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*. Vol. 8. № 2. Pp. 83–93.

Kalinin O., Mavleev R. (2019). *The "War" Concept in Russian and Chinese Socio-Cultural Environment*. Proceedings of "DICTUM – FACTUM: from Research to Policy Making". Sevastopol, December 5–6. Pp. 80–92.

Kövecses Z. (2005). *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge: Cambridge University Press. 314 p.

Musolf A. (2020). *Metaphors for the Nation: Conceptualization of Its BODY and/or PERSON*. In: *Cultural Conceptualizations in Language and Communication*. Pp. 3–23.

Сведения об авторе

Калинин Олег Игоревич – доктор филологических наук; доцент; Московский государственный лингвистический университет; кафедра китайского языка; профессор; Военный университет имени князя Александра Невского; 36-я кафедра; доцент; научные интересы: теория дискурса, когнитивная лингвистика, метафорология, теория речевого воздействия.

Information about the author

Oleg I. Kalinin – Doctor of Philology; Associate Professor; Moscow State Linguistic University; Chinese Language Department; Professor; Military University; 36th Department; Associate Professor; scientific interests: theory of discourse, cognitive linguistics, metaphorology, theory of speech influence.